

Под каждой крышей...

.....

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ ИНГРИД НОЛЛЬ

- И Н Г Р И Д -

НОЛЛЬ

Головы моих возлюбленных

Москва
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Н80

Ingrid Noll

DIE HÄUPTER MEINER LIEBEN

Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG Zurich, Switzerland.
All rights reserved

Перевод с немецкого *С. Фридлянд*

Художественное оформление *П. Петрова*

Ноль, Ингрид.

Н80   Головы моих возлюбленных / Ингрид Ноль ;
[пер. с нем. С. Л. Фридлянд]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Под каждой крышей... Семейные истории Ингрид Ноль).

ISBN 978-5-699-77772-3

Обижать женщин — низко и подло. А таких решительных, как Майя и Кора, — еще и опасно. Эти милые девушки, «решительно избавляя себя и всех остальных от плохих парней», как остроумно было отмечено в рецензии *Die Zeit*.

Муки совести? Глупости! Подруги не знают, что это такое.

Но время идет, и с годами приходит мудрость, а с ней — прозрение: не бывает только плохих и только хороших людей, и кроме ненависти есть еще и любовь. И совсем не обязательно вершить расправу над подругой, которая переспала с твоим мужем.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Фридлянд С., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

978-5-699-77772-3

Глава 1

СЕРАЯ КАК СЛОН

В экскурсионном автобусе, когда я подношу к губам микрофон и начинаю рассказывать немецкоязычным туристам о Флоренции, публика принимает меня за студентку, которая изучает романистику и хочет подработать. Туристы находят меня очаровательной; как-то пожилые супруги заявили мне прямо в глаза, что хотели бы иметь такую дочь. Люди никак не усвоят, что внешний облик человека далеко не всегда совпадает с его сутью.

Именно отсюда мои туристы начинают свой маршрут по Тоскане и потому еще не умеют оперативно разбираться в нулях на итальянских банкнотах. Можно было бы подумать, что это обстоятельство сулит особенно высокие чаевые, но на деле все, увы, обстоит как раз наоборот. Чтобы хоть как-то возместить убытки, я ближе к концу экскурсии рассказываю своим овечкам о том, что здесь вполне могут обокрасть или просто вырвать из рук сумочку. Как ужасающий пример я рассказываю историю одной пенсионерки из Лейпцига, которой родственники, скинувшись, к семидесятилетию подарили поездку в Италию, осуществив ее давнюю заветную мечту. Всего несколько дней назад у нее украли все деньги. Далее я пускаю по рядам коробку из-под сигарет, чтобы провести сбор в пользу несчастной саксонской пенсионерки.

Большинство не скупятся, ибо все это происходит на глазах у попутчиков.

Когда сбор завершен, я делюсь с Цезаре, нашим шофером: своего рода плата за молчание, чтобы тот не проболтался в турагентстве о незадачливой старушке из Саксонии.

Цезаре считает, что у меня нет ни стыда ни совести. Наверняка причины такого поведения в моем прошлом; глухая пора тоски и неприкаянности свинцовой глыбой придавила весь мой душевный мусор. Лишь когда я познакомилась с Корнелией, начался подъем.

В детстве я никогда не получала того, что хотела. К тому же я не знала толком, чего именно хочу, но сегодня понимаю, что мне не хватало тепла и радости. Как и каждый человек, я хотела, чтобы меня любили, хотела немножко веселья, немножко приключений, хотела иметь друзей, наделенных чувством юмора, из тех, которые не полезут за словом в карман. И чтоб ко всему этому была толика образованности и культуры. Ничего подобного дома не было. Царящую там атмосферу скорее можно назвать ожесточением. Позднее я просто начала самовольно брать себе все, чего мне недоставало, но при этом нередко хватала через край.

Моя мать была неразговорчивой особой, но то немногое, что она говорила, отличалось нацеленной, ядовитой злобой. Возможно, именно потому во мне накопился неисчерпаемый запас подавленной ярости, которая время от времени прорывалась.

Еще когда я была совсем маленькая и за едой позволяла себе высказать какую-нибудь неожиданную и наивную мысль, даже мне трудно было не заметить, как мой проклятый братец и мать обменивались мол-

ниеносными понимающими взглядами. Эти взгляды убеждали меня, что они уже многократно судачили обо мне и моем духовном убожестве. После таких сцен я, как правило, замолкала на долгие недели, а подавляемая ярость делала меня коварной.

Когда моему брату Карло было четырнадцать, а мне десять, я украла у него тайно купленные им сигареты и по дороге в школу побросала их в чужие контейнеры для мусора. А поскольку Карло считал меня трусливой и недалекой да к тому же прекрасно сознавал, что мне совершенно безразлично, курит он или нет, ему и в голову не пришло меня заподозрить. Он не сомневался, что обо всем провела мать и таким деликатным образом позаботилась, чтобы он не губил курением свое здоровье.

А я стала воровкой. И никто никогда меня в этом не обвинил, поскольку тот, кого обокрали, исходит из предположения, что вор желает владеть своей добычей. Ну зачем маленькой девочке понадобились чужие сигареты? И к чему ей тетушкины духи, когда любой человек в два счета почувствует изысканный аромат? В ту пору я воровала паспорта, ключи от дома, учительские очки, — воровала только для того, чтобы сразу же выбросить. Так сказать, искусство для искусства. Лишь спустя несколько лет я начала оставлять у себя украденные предметы.

Возможно, мое развитие пошло бы другим путем, если бы отец не покинул меня так рано. Я сознательно говорю: покинул меня, а не всю нашу семью. Во всяком случае, я воспринимала его уход именно так. Когда это произошло, мне исполнилось семь, а до того он называл меня принцессой.

Как и в любой комедии эпохи Ренессанса, в нашей семье имелись две любовные пары: одна высокород-

ная — король и его принцесса, а другая — челядь, моя мать и мой брат. Король называл меня «принцесса Майя», позднее — «инфанта Майя». У отца хранился лист календаря с изображением испанских придворных дам, которые прислуживали одной девочке. И хотя мои редкие светло-каштановые волосы никак не походили на белокурые локоны нашей принцессы, отец утверждал, будто я очень напоминаю ее. Я всей душой любила эту картинку из календаря.

Совсем недавно я купила репродукцию и повесила ее рядом со своим зеркалом. В самом центре картины стоит прелестная инфанта Маргарита; серьезное детское личико обрамляют шелковистые волосы. Подобно взрослым женщинам, она тоже носит жесткий кринолин, который, вероятно, не дает ей сутулиться. Судя по всему, Маргарита прекрасно знает, что она средоточие всего. В левом углу картины художник изобразил себя во время работы — красивый, самоуверенный мужчина. И контрастом в правой части картины стоит карлица с обвислым, как у мопса, лицом. Рядом с карлицей — ребенок, то ли карлик, то ли обычный, пытается изящной ножкой толкнуть дремлющую собаку, но безуспешно. На этой красивой картине собака воплощает покой и достоинство. Есть на ней и другие фигуры исторического значения, но меня они не интересуют. Фон буро-зеленоватый или цвета умбры, на переднем плане господствует цвет слоновой кости с изысканной примесью гвоздично-красного. Весь свет этой картины сосредоточен на фигурке инфанты.

Отец у меня тоже был художник, как и тот, что на заднем плане картины, который много лет назад написал Маргариту; когда отец меня бросил, вместе с ним исчезли и все его картины. А календарный ли-

сток с испанской принцессой я нашла потом у нас под комодом, нашла, смяла, надорвала и спрятала между страницами атласа Дирке, где картинку обнаружил мой брат; а обнаружив, разорвал на кусочки.

Возможно, брат страдал от того, что никогда в жизни не был принцем, а сестра его возвысилась над ним. И он мстил за это при каждом удобном случае.

Накрывать на стол чаще всего приходилось мне. Как-то я споткнулась о загнутый край ковра, при этом разбились три чашки, три блюдца и три тарелки.

— Ну прямо слон в посудной лавке, — заметила мать.

— Был ребенок, стал слоненок, — подхватил брат. Мать одобрительно засмеялась.

— Здорово сказано, хоть и ехидно, — заметила она.

Так я заделалась слонихой, потому что много лет подряд мой брат называл меня именно так. Правда, мать в случае необходимости могла назвать меня и по имени, но однажды, входя в комнату, я случайно услышала, как она говорит Карло: «Слониха на подходе».

Золушка становится королевой, гадкий утенок — лебедем. Я мечтала прославиться, чтобы повергнуть весь мир к своим слоновьим ногам. В пятнадцать лет я надумала стать певицей, второй Марией Каллас. С этих пор матери и Карло приходилось терпеть одну и ту же арию Кармен. Голос мой звучал громко, пение было страстным. Вообще-то и голос был не ахти, и сама я не слишком музыкальна, но во время пения я могла дать волю своему темпераменту.

— Опять завела свое рондо слониозо, — обычно говорила мать.

Одна из моих соучениц тоже прослышала, как меня называет мой брат.

На следующий день класс встретил меня оглушительным кличем Тарзана. Короче, и для них я перешла в разряд толстокожих.

Интересно, а в самом деле я походила на слона или нет? И рост, и вес у меня соответствовали человеческому стандарту, ноги были вполне изящные, и нос отнюдь не походил на хобот, и двигалась я если не грациозно, то и не сказать, чтоб неуклюже. Разве что уши не соответствовали общепринятым стандартам, то есть размера они были вполне обычного, но уж очень оттопыренные и торчали наружу сквозь жидкие пряди моих волос. Когда я была маленькой, мать имела обыкновение самым немилосердным образом расчесывать мне волосы после мытья головы: зубцы гребня цеплялись за мои уши и отжимали их книзу. Когда я уже стала вполне взрослой, подобное случалось порой и у моей парикмахерши. В такие минуты я, вся покрывшись гусиной кожей, вспоминала мать, которая и при других касаниях тоже внушала мне физическое неприятие: ее острый палец у меня между лопаток, громкий хруст скрещенных рук и ужасающий скрип — когда она протирала окна.

Мать прилагала всевозможные усилия, чтобы и в одежде подчеркнуть мое «слоновство». Ну, например, мне понадобилось зимнее пальто, и я очень хотела пальто алого цвета. На новую одежду в доме вроде бы не было денег. И тогда мать отдала полученное ею в наследство серое покрывало альпака, чтоб мне из него сшили накидку с капюшоном, которая и в самом деле делала меня довольно бесформенной. И туфли мне всегда покупали серого цвета и на один размер больше, чем надо, чтобы их можно было носить и на следующий год.

Одна из учительниц, услышав как-то трубный словесный клич моих одноклассниц и увидев, как я уныло топаю через ноябрьский туман, сказала:

— Майя Вестерман, дразнилки со временем прекратятся, а вообще-то говоря, не следует недооценивать мощь слона. Сильная женщина дорогого стоит.

Но я вовсе не хотела становиться сильной. В ту пору я как раз влюбилась, и в голове у меня было место лишь для любви. И это случилось не в первый раз. Это началось так рано, как я себя помню, и первым объектом любви стал для меня собственный отец. Когда он меня покинул, я на целый год объявила траур.

Совсем недавно наш бывший учитель географии вошел вместе с женой ко мне в автобус. Дело было на пасхальные каникулы, которые он и надумал использовать для небольшой образовательной поездки по Италии. С тех пор как я три года назад окончила школу, мы с ним ни разу не виделись, но тем не менее сразу друг друга узнали, приветливо поздоровались и расстались с самыми искренними заверениями дружелюбия. Он и не подозревал, что много месяцев подряд был средоточием моих грез. Только господин Беккер да еще мечта о карьере оперной дивы помогли мне тогда не впасть в депрессию, до того серой и беспросветной была для меня жизнь в семье и школе. Из этих двух надежд одна была еще менее реалистичной, чем другая. К слову сказать, я до сих пор храню расческу моего учителя, которую во время единственного посещения его квартиры прихватила с собой на память.

Было ему в ту пору почти тридцать лет, и я уже побаивалась, как бы у меня не развился эдипов ком-

плекс. Я молниеносно стала звездой, отличницей по географии.

На занятиях мы рассматривали исторические, хозяйственные и политические взаимосвязи. Господина Беккера чрезвычайно сердило то обстоятельство, что большинство школьников читают в газетах только спортивную часть и киноанонсы, оставляя без внимания политику и экономику. Каждое утро у меня возникали стычки с Карло: тот просто вырывал газету у меня из рук. Когда на уроке обсуждали экономические результаты засухи в Чаде, Нигере и Судане, я единственная из всего класса подняла руку. Еще прежде, чем господин Беккер начал меня спрашивать, кто-то заревел с места: «Немудрено, что она все знает про Африку, ведь она там родилась!»

— Ты разве родилась в Африке? — с любопытством спросил ничего не подозревающий господин Беккер.

Как настоящая слониха, я под трубный клич одноклассников ринулась прочь, опрокинув на ходу два стула.

Перед спортзалом села на приступок, где извела весь запас бумажных носовых платков. При этом в глубине души я надеялась, что учитель примется меня искать и найдет. Может, я хотела подать ему сигнал, что я — женщина без предрассудков. Но никто не стал меня искать, и только одна соученица сказала мне позже:

— Soggy-soggy насчет Африки. Кто же знал, что ты не африканский слон, а индийская корова.

Вот у матери я никогда ничего не воровала, хотя мне столько раз хотелось, чтобы ее черти забрали. Денег у нас было очень мало. От брата я знала — сама мать об этом никогда не говорила, — что хотя отец и переводит нам время от времени какие-то суммы, но делает это крайне нерегулярно.

Мать работала сиделкой у разных стариков, и можно с уверенностью сказать, что более неподходящее для нее занятие даже вообразить было трудно. Правда, она окончила курсы по уходу за стариками, но окончила просто потому, что из всех курсов это были самые краткосрочные. При ее уме и быстрой реакции она могла бы без труда изучить все виды конторской деятельности, но вместо того, наглухо закрыв свое сердце, она грубыми руками обслуживала пожилых людей так, словно это не люди, а куски дерева.

Но не только из-за нашей бедности я ничего не воровала у матери. Причина состояла и в том, что я ее любила, любила с мучительной, горькой страстью. И чем старше я становилась, тем больше осознавала, что она просто ранена и что раны ее никогда не заживут. Мы обе, каждая на свой лад, горевали, оставшись без короля, тосковали, но помочь друг другу не могли. В ту пору я, разумеется, еще не сознавала, какую жестокую рану нанес и мне отец. С другой стороны, казалось, что и мать, искавшая в моем брате замену любви к мужу, тоже по-своему привязана ко мне. Несмотря на ее язвительность, отказ хоть сколько-нибудь считаться с моими пожеланиями и потребностями, она категорически воспротивилась моему намерению бросить школу.

«Когда-нибудь ты и сама об этом пожалеешь» — так звучал ее основной довод в ответ на мое нежелание учиться. Самая красивая девочка из нашего класса тоже хотела бросить школу и поступить ученицей в аптечный магазин. Это навело меня на мысль, что неплохо бы самой зарабатывать деньги, а не убивать день за днем в опустылевшем классе. Но я не была уверена, что поступить куда-нибудь ученицей такое уж для меня благо. Школа была надежным местом,

так что я без особого сопротивления позволила матери уговорить меня учиться дальше. Сегодня я думаю, что не просто тщеславие, но и любовь заставила ее встать на эту точку зрения, ведь для нее было бы гораздо проще, начни я зарабатывать. И это, пожалуй, единственное в ее поведении, что я могу оценить положительно.

А за «слоновые» наряды я в конце концов даже начала испытывать к ней признательность. И хотя до сих пор я по мере сил уклонялась от ношения серой, как слон, накидки из альпака (лишь очень морозная зима заставляла меня укрываться под теплой шерстью), настали времена, когда прохладными весенними вечерами я вообще не хотела ее снимать. А господин Беккер сказал, что на модном показе элегантных жакетов и пальто, которые можно было наблюдать по переменам на школьном дворе, ему больше всех нравится моя серая «баба на чайник».

«Ты индивидуалистка. В твои годы я и сам был таков, не желал сливаться с массой».

Хотя он явно предполагал, что свой «слоновый» прикид я выбрала по доброй воле, но его слова возвели мой наряд в благородный чин. Я почувствовала себя счастливой потому, что он решил, будто у нас с ним есть внутреннее сходство. Я даже улыбнулась ему.

Мои познания в сфере любви носили чисто теоретический характер. «Анна Каренина», «Мадам Бовари» — я вычитала из них, что женщины отдаются либо бросаются в любовь очертя голову. В мечтах я видела себя мировой знаменитостью, так что господину Беккеру следовало испытать благодарность за право отдаться мне.

Когда совсем недавно я увидела у себя в автобусе этого хоть и старательного, но какого-то меша-

нистого учителя в сопровождении законной супруги, то смогла лишь покачать головой, вспоминая собственное простодушие. Вдобавок я вполне могла бы безо всякого риска изучить содержимое сумочки фрау Беккер, которую после моего призыва к добротным даяниям она не закрыла. Но, взглянув в зеркало заднего вида, Чезаре догадался о моих намерениях и неодобрительно покачал головой.

Шестнадцати лет от роду я познакомилась с Корнелией. Вышел в отставку господин Беккер — он, но отнюдь не моя серая накидка с капюшоном. За это время я успела полюбить свой наряд. На Рождество мать подарила мне то самое красное пальто, о котором я мечтала год назад и которое она смогла теперь приобрести по сниженной цене. Видимо, осознала, что уже второй год я разгуливаю одетая под слонику, а потому могу теперь претендовать хотя бы на малую толику элегантности. Увы: подарок опоздал. К глубокому сожалению матери, я так никогда и не надела это красное пальто, я хотела оставаться серой.

Но у себя в автобусе я уже не выгляжу серой мышкой, здесь я одета как стюардесса: темно-зеленый костюм, белая блузка, красная косынка, короче, цвета Италии. Туфли тоже красные, причем мне то и дело приходится объяснять своим туристам, где находится обувной магазин, в котором я приобрела столь изысканную модель. Помимо того я неизменно вожу в сумочке адреса немецкоязычного врача и священника, хотя второй потребовался всего лишь один раз.

Отдыхающие усердно записывают телефонный код Германии, праздничные дни, время работы ма-